

Филистович Н.Ю, студ. гр. 111 ФК и СКД
БГУКИ
Научный руководитель – Измаилова Л.В.,
канд. искусствоведения

ИСТОРИЯ РУССКИХ КОЛОКОЛОВ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (НА ПРИМЕРЕ КОЛОКОЛЬНОГО АНСАМБЛЯ ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ)

Колокол – повсеместно распространенный в Европе музыкальный инструмент, насчитывающий многовековую историю. Одна из ее трагических страниц - физическое истребление колокольного инструментария в СССР после Октябрьской революции. Одним из немногих спасенных наборов колоколов был подбор Данилова монастыря. В сентябре 2007 года, произошло событие, в котором соединились судьбы православного древнего храма и американского университета, событие, к которому две страны шли долгие 20 лет.

Летом 2007 года по улицам Москвы везли колокола, их было 18, отлитые совсем недавно и освещенные патриархом Свято-Данилова монастыря, колокола отправлялись в долгий путь поездом до Санкт-Петербурга, затем морем до Бостона, а дальше на грузовиках до Гарварда. Если бы можно было перенестись во времени, то стало бы понятно, что все это происходит не в первый раз: почти 80 лет назад в 1930 по улицам Москвы так же везли колокола, их тоже было 18, они тоже покидали Свято-Данилов монастырь и путь их лежал в Америку. В конце 1920-ых годов газета «Революционная Россия» поместила статью «Колокола на индустриализацию». В ней были отражены требования партии и правительства уничтожить церковные ценности. Считали, что колокола необходимы как металл для производства мелких медных монет, но эта была официальная версия, скрывающая настоящую причину – борьбу с религией. По всей стране сбрасывали со звонниц ценные древние колокола. Нередко, канатами и лебедками их поднимали, а затем бросали на землю, потом их научились разбивать прямо на колокольных ломами и кувалдами. Все меньше в Москве оставалось действующих церквей, монастырей. Одна за другой умолкали храмовые

колокольни, ценности реквизировались, ненужные теперь иконы просто сжигали, высокие колокольни передавали пожарным управам, а сами колокола - на переплавку. Именно в этот период к советскому правительству обратился американский миллионер - ценитель старины Чарльз Крейн, с просьбой продать несколько колоколов, советское правительство возражать не стало. И уникальный подбор звоницы Даниловского монастыря отправился прямым путем в Гарвард. Вместе с колоколами американцы увозили с собой странного молодого человека, он совсем не говорил по-английски и вдобавок сильно заикался. В кармане его легкого пальто лежал документ, где говорилось, что гражданину страны, который непризнанный соединенными штатами, дается временное разрешение на въезд в роли эксперта по колоколам. Это был знаменитый Московский звонарь, гениальный музыкант и композитор Константин Сараджев.

Об уникальном человеке - Константине Константиновиче Сараджеве написана документальная повесть Анастасии Цветаевой. Благодаря этому он стал широко известен, как человек-феномен обладающий сверхчутким музыкальным слухом. Сараджев не просто слышал звуки, он видел их, например ноту ми, он воспринимал как ярко-голубую, а ре, как желтую. Он слышал некие звуковые волны, акустические вибрации исходящие от всего, что его окружало. Говорят, такие рождаются раз в тысячу лет.

Его отец, профессор Московской консерватории и известный дирижер Константин Соломонович Сараджев пытался учить его игре на музыкальных инструментах, однако они казались примитивными по акустике. И все же Сараджев нашел инструмент соответствующий его слуху - это русские колокола, будто связанный этим звуком, расплакался и потерял сознание.

В доме его называли Котиком, чтобы не путать с отцом Константином Соломоновичем Сараджевым. Котик рос в уникальной семье, отец известный дирижер. Мать, Наталья Ниловна Филатова, замечательная пианистка, ученица Сергея Рахманинова. Котика интересовало все, что связано с музыкой, любые музыкальные инструменты, звуки. Но когда он услышал церковный звон,

колокола ошеломили Котика, ничего прекрасней он никогда не слышал... По выходным дням вся семья выходила на набережную, слушать колокола. Когда дома отец играет на фортепиано, Котик мысленно переводит музыкальные темы на язык колоколов. Он собирает целую коллекцию колокольчиков, развешивает их по всему дому и подолгу вслушивается в звучание каждого. В 14 лет он первый раз сам ударяет в настоящий колокол.

Он вполне осознавал, что обладает уникальным даром, к знакомым он обращался не по именам, а по названиям тональностей, в которых они для него звучали. Проезжая в трамвае по Московским улицам он мог воскликнуть: «Смотрите, это же типичный дом в стиле до 112 бемолей!» Окружающие удивлялись, не понимали. Единственным инструментом в этом мире, отвечавшим его слышанию, были колокола. Во время своих выступлений он так увлекался, что часто служителям храмов приходилось бежать на колокольню и останавливать забывшегося звонаря, потому что звонить он должен по уставу, вместо этого он устраивал концерты. Законное ограничение приводило Сараджева в отчаяние и ему ничего не оставалось, как мириться с ними и с нетерпением ждать следующей службы.

Он совсем было отчаялся, но именно тогда к нему обратились два американца: они искали мистера Сараджева, как известного эксперта по колоколам, они с восхищением слушали его игру, Американцы сделали музыканту предложение, заключить на год контракт, выехать в США и обустроить в Гарварде на территории университета настоящую православную звонницу. Сараджев принял предложение и выехал в США, сопровождая колокола Даниловского монастыря, один из самых древних, лучших по звучанию колокольных ансамблей России.

Сараджев наконец приехал в Гарвард и увидел эти святые Даниловские колокола. Таких звонов никто и никогда не слышал, у Сараджева появились поклонники, приходящие к храму, чтобы послушать его игру.

Котика поселили в семье русских эмигрантов, к его сожалению довольно далеко от строящейся колокольни, каждое утро он проделывал долгий путь до

колоколов, работал с ними весь день и вечером усталый, но счастливый возвращался назад. Он весь был в предвкушении, что совсем скоро, главная мечта его жизни осуществится, у него будет собственная звонница, и он сможет исполнять свои колокольные симфонии...

Не обращая внимания на ноябрьский холод Сараджев настраивал колокола, он ударял в колокол, затем подтачивал его напильником добиваясь нужного звука, он хотел, чтоб Даниловский ансамбль звучал идеально...

Сараджев полностью погрузился в работу, не отключаясь даже ночью:

«Ночью я вдруг погрузился в состояние композиции, -писал он,- вокруг меня была тьма, впереди же свет, имеющий сильный блеск, в дали был квадрат красновато-оранжевого цвета, его окружили две широкие ленты, первая красного, вторая черного цвета, между ними и тьмой оставалось светлое пространство, такое светлое, что трудно было смотреть, было это прекрасно...»

Сараджев разделил колокола на три группы, выполнил чертеж будущей звонницы, разработал систему управления языками колоколов, но все его предложения наталкивались на непонимание. Но в тоже время он понимал, что чувствовать так, как чувствует он, другим просто не дано. В конце концов, нервы Сараджева не выдержали, он слег, его поместили в больницу при университете. А спустя какое-то время мягко предложили вернуться на родину. Все остальные работы по разработке колоколов проводились уже без него. В первый раз они зазвонили в Гарварде на католическую пасху 1931 года. Сараджев так и остался непонятым в Америке и в родной стране...

Однажды он сказал:

«Грех так звонить, господь покарает меня за такой звон...»

Он прожил очень короткую жизнь, умер в 42 года, но он оставил после себя нотные записи и звучание всех больших Московских колоколов. В наши дни по этим нотам стало возможно восстановить погибшие колокола в 30-е годы, этими записями Сараджев дал вторую жизнь словно искупая тот самый грех, ведь главное предназначение колоколов, вести людей в храмы.

Список использованной литературы:

1. Цветаева А. И., Сараджев Н. К. Мастер волшебного звона. М., 1988. С. 35-41
2. Оловяшников Н.И «История колоколов и колокололитейного искусств» М., Русская панорама, 2010г.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ